

ДУХОВНОСТЬ И СВОБОДА: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В иерархии ценностей, выработанных человечеством на протяжении тысячелетий своей полной драматизма истории, духовность и свобода по праву занимают высшие ступеньки. Во всех культурах и социумах, во все времена и эпохи они представляли непреходящую значимость, были высшим идеалом, к достижению которого жертвенно стремились достойнейшие представители рода человеческого.

Утверждение этих ценностей в социальном бытии всегда носило проблемный характер, оставаясь таковым и в настоящее время. Более того, на рубеже XX - XXI столетий эта проблемность еще более усилилась и обострилась в условиях пропитанной духом технизма, прагматизма и эгоизма буржуазной цивилизации. Всецело это относится и к украинскому социуму начала XXI ст., с той лишь оговоркой, что здесь она приобрела характер и форму крайней противоречивости, вызванной особенностями его нынешнего аномального состояния. Отражением названной социальной противоречивости явился всплеск интереса в философских и гуманитарных науках к осмыслению категорий духовности и свободы, принявший, к сожалению, характер моды. Особенно это относится к категории духовности, которой в последнее десятилетие посвящена огромная, фактически необозримая литература разной степени основательности и глубины. Наиболее интересными из работ

українських і російських філософів останніх 10-15 років, посвячених проблемі духовності, на наш погляд, являються книги і статті Быстрицького Е., Когана М., Кримського С., Лейбіна В., Лоя А., Поповича М., Табачковського В., Трубнікова Н., Федотової В., Храмової В., а також ряд колективних монографічних досліджень і "круглих столів" [1].

Серед філософських робіт, посвячених дослідженню категорії свободи, як нам представляється, можна виділити статті Гаджієва К., Дубовенко А., Ісупова К., Лапіна Н., Солонько Л., Шрейдера Ю. і деяких інших. При цьому, як правило, категорії духовності і свободи розглядаються обособлено, без соотнесення і виявлення їх внутрішньої взаємозв'язки, що, можливо, пояснюється кажущою очевидністю і однозначністю цієї зв'язки.

На перший погляд, во взаимоотношеннях свободи і духовності як соціальних феноменів дійсно відсутня така б то ні було проблемність. Совершенно очевидно представляється, що свобода необхідна як передумова і умова буття духовності, а без духовності, в свою чергу, утверджується не істинна свобода, а різноманітні її суррогати. Тем не менше, ця, здавалося б, безумовна очевидність і безпроблемність взаємозв'язки духовності і свободи, розглядаємих з висоти їх абстрактної всеобщності, зникає, як тільки виникає необхідність розуміти їх на рівні конкретного соціокультурного буття. При цьому виявляється протиріччя їх взаємозв'язки, о чому ми і хотіли б пороздумувати в даній статті, не претендуючи на всеохватність розгляду проблеми.

В філософії общепризнанною стала думка, що свобода входить в коло суттєвих якостей, атрибутів людської природи. В відміння від всіх відомих живих істот людина не володіє передзаданою їй біологічною природою способу буття. Тому "способи його існування можуть бути різними, з множини можливостей він сам вибирає собі один визначений спосіб буття" [2; 11]. Завдяки цій особливості людина здатна не тільки освоювати світ "по міркам будь-якого виду живих істот" (Маркс), але і виходити за межі принципіально можливого для них. Більше того, людина здатна виходити і за межі свого власного, передданого природою і суспільством естества. Для позначення цієї особливості людського буття Плеснер вводить поняття "ексцентричності": "Людина як жива річ, поставлена в середину свого існування, знає цю середину, переживає цю середину і тому переступає її... Якщо життя тварини центрична,

то жизнь человека эксцентрична, он не может порвать центрирования, но одновременно выходит из него вовне" [3; 126].

В этом смысле свобода представляет собой возможность выбора человеком и как родовым существом, и как отдельным индивидом способа своего бытия. Этот выбор, жизненная значимость которого для человека имеет фундаментальный характер, трудно переоценить. Он обуславливается как объективными, так и субъективными по своей природе причинами и факторами. Среди них важнейшую роль играет, несомненно, понимание человеком природы бытия, самого себя и своего места в нем, то есть мировоззрение, ядром которого является духовность. В украинской философской литературе духовность понимается по-разному, но чаще она отождествляется с духовным миром личности, сферой ее сознания, аналогично – общества. Мы считаем такое понимание духовности чрезмерно широким, не выявляющим ее специфики и истолковываем ее как то содержание духовного мира, которое имманентно сориентировано на высшие ценности человеческого бытия – добро, любовь, истину, красоту, справедливость, свободу и др. Из этого следует, что духовности имманентно присуща нравственно-гуманистическая интенция [4].

Духовность имеет исключительное значение в выборе человеком способа своего бытия, определяя его основополагающие ценности и стратегическую направленность. К примеру, тот факт, что очень многие в современном обществе выбирают способом своего бытия потребительский образ жизни, вполне однозначно свидетельствует как об уровне духовности индивидов, осуществляющих этот выбор, так и о духовной атмосфере общества в целом, благоприятствующей именно такому выбору.

Наиболее явственно взаимосвязь духовности и свободы обнаруживается в творчестве как процессе, органично соединяющем их. При этом речь идет о творчестве в широком смысле этого слова, как элементе человеческой жизнедеятельности, а не только о его профессиональных, институционализованных формах и видах. В этом смысле становление, развитие и совершенствование духовности по своей сути является творческим процессом, а не усвоением готовой, безличной информации. Но духовное творчество как поиск и созидание новых для личности ценностей предполагает также и наличие свободы во всех ее проявлениях и ипостасях – социальной и индивидуальной, внешней и внутренней, духовной и материальной. Так, если без внутренней духовной свободы невозможно возникновение духовности, то без внешней социальной свободы не может осуществиться ее объективация – воплощение в артефактах

культуры, действию, поступке. Без этого же невозможен переход духовности из потенциального состояния в действительность. Ненаписанное писателем, композитором, художником и не принявшее ту или иную форму манифестации в силу ограниченности свободы произведение, непоставленный и непоказанный режиссером спектакль или кинофильм, несыгранная актером роль, несовершенный индивидом поступок, – так и останутся неосуществленным замыслом, намерением, эскизом, образом, не приобретаю статусу духовности.

Из сказанного выше как будто с необходимостью следует вывод, что бытие духовности предполагает неограниченную внутреннюю и внешнюю свободу. Однако, несмотря на кажущуюся логичность и широкое распространение подобного представления, его все же следует оценить как поверхностное в силу своей чрезмерной абстрактности и принципиальной неосуществимости. На чем же основывается наш вывод?

1. Одна из аксиом диалектики, введенных в философское мышление Гегелем и Марксом, утверждает, что абстрактной, безграничной свободой в любых ее ипостасях не существует, так как она всегда ограничена необходимостью, сочетается с ней и дополняется ею. В современной, особенно отечественной, философии эта аксиома нередко отбрасывается, предается забвению либо вульгаризируется, но от этого, разумеется, не перестает быть верной: "Разве всякое человеческое существование, в том числе и наисвободнейшее, не ограничено и не детерминировано самыми различными способами" [5; 337], – спрашивает-утверждает Г. Гадамер.

2. Культура по своей природе, как известно, предназначена определенным образом оформлять, организовывать и упорядочивать человеческие взаимоотношения и деятельность. В полной мере это качество свойственно и духовности как основанию культуры: посредством ценностей высшего порядка духовность как бы очерчивает, ограничивает круг повседневных стремлений человека, его жизненных интересов и целей. В этом отношении духовность, как и культура в целом, ограничивает свободу самоосуществления индивида как социокультурного существа. Однако такое ограничение не несет в себе негативного смысла для человека и общества, так как направлено на формирование, развитие, закрепление и наследование "человеческого в человеке", тем самым делая возможным существование человека как такового.

Таким образом, духовность с необходимостью объективно ограничивает свободу самореализации личности в интересах ее развития и совершенствования. Но констатация этого факта не

снимает вопроса о характере воздействия на бытие духовности субъективных ограничений свободы личности. Так как эти ограничения могут быть весьма различными по своей сути и направленности, то и воздействуют на развитие духовности они по-разному. В этом аспекте существенно различаются внешние и внутренние по отношению к личности ограничения свободы в процессе духовной деятельности.

Внутренние ограничения свободы личности, в свою очередь, также можно подразделить на два типа: а) свободно принятые личностью и б) навязанные личности другими под давлением. Очевидно, что воздействие одних и других на духовность не может быть одинаковым. Внутренние ограничения представляют собой свободно принятые личностью законы, принципы, каноны и правила, регулирующие процесс духовной деятельности. Это, прежде всего, мировоззренческие ориентации, этические нормы и принципы, эстетические идеалы, традиции и каноны; технологические правила, приемы и стандарты, обусловленные природой и спецификой определенного вида духовной деятельности. Все они, безусловно, репрезентируют сферу необходимого, должного в процессе духовного творчества, объективно вводя его в определенные границы. Тем не менее, они не воспринимаются личностью как ограничители ее творческой свободы, так как имманентны творческому процессу, делают его возможным и результативным. Ограничивая или исключая субъективный произвол личности, они фактически расширяют сферу ее творческой свободы.

Однако все же возможны и такие ситуации, когда свободно принимаемые личностью и адекватные творческой деятельности ориентации, требования и каноны становятся препятствием, тормозом в творческом процессе. Это происходит, по крайней мере, в двух случаях. Во-первых, когда индивид открывает новые горизонты, пути и методы в своей творческой деятельности. В данном случае ранее принимавшиеся им в качестве адекватных требования и каноны начинают сковывать его творческую свободу. В процессе их преодоления открываются новые направления, творческие методы и стили духовной деятельности, с присущими им новыми требованиями и канонами. Такова закономерная тенденция развития культуры в целом: "Трагедия (культуры – авторы) – это трагедия новизны, требующей, однако, своего признания как некоей нормы и стандарта. Жизнь инновации всегда парадоксальна. Рождаясь как уникальная, она вырождается в эпигонство" [6; 338]. Особенно ярко эта закономерность проявляется в деятельности гениальных творцов

духовных ценностей в сфере науки и искусства.

Во-вторых, когда адекватные для своего времени требования и каноны духовной деятельности устаревают, изживают себя, но по-прежнему продолжают восприниматься личностью как единственно возможные, истинные. В этом случае они объективно превращаются в догмы и шаблоны, ограничивающие творческую свободу личности и оказывающие негативное влияние на творческий процесс. В такой интерпретации представляется верной весьма неоднозначная мысль Х. Ортеги-и-Гассета: "Самые укоренившиеся, самые бесспорные наши убеждения – всегда и самые сомнительные. Они ограничивают и сковывают нас, втискивают в узкие рамки. Ничтожна та жизнь, в которой не клокочет великая страсть к расширению своих границ... Упрямое стремление сохранить самих себя в границах привычного, каждодневного – это всегда слабость, упадок жизненных сил..." [7; 243].

Второй тип внутренних ограничений свободы личности в процессе духовной деятельности – это ориентации, каноны и требования под давлением навязанные личности социумом (социальной группой, сообществом, средой и др.), в силу разных причин принятые ею и реализуемые в своей деятельности. Как правило, эти внутренне чуждые личности требования принимаются ею лишь на уровне рассудка, а поэтому и не становятся органичными, естественными для творческого процесса, негативно сказываются на его результатах. Личность в этом случае продуцирует несоизмеримые своим возможностям (дарованию, таланту) ценности либо создает вместо подлинных ценностей псевдоценности. История культуры дает немало тому примеров, особенно история судеб выдающихся творцов духовных ценностей в тоталитарных социальных системах.

Внешние ограничения свободы творчества личности могут осуществляться в форме материальных, юридических, политических, идеологических и иных ограничений, осуществляемых государством и (или) общественными и частными организациями и лицами. Они представляют собой форму насилия над личностью и, как правило, негативно влияют на процесс духовной деятельности либо вообще делают ее невозможной. Правда, история культуры знает и такие факты, когда выдающиеся образцы духовности создавались в ситуации социальной несвободы их творцов – "Город Солнца" Т. Кампанеллы, "Дон Кихот" Сервантеса, произведения Пушкина периода ссылки в Михайловское и др. Однако ограничения свободы в названных и подобных им случаях не были максимально жесткими, оставляя личности определенные возможности творческой деятельности.

Внутренняя же свобода и исключительный творческий потенциал, присущий выдающейся личности, позволяли ей максимально сконцентрировать свои жизненные силы и творческую энергию в противостоянии насилию. Тем самым энергия внутреннего протеста личности против ограничения ее свободы выступала в качестве мощного творческого стимула, позволяющего компенсировать негативное воздействие ситуации несвободы.

Аналогичную роль в процессе творческой деятельности личности могут играть и другие неблагоприятные жизненные обстоятельства, не вызванные преднамеренным ограничением ее свободы, но выполняющие такую же функцию. Так, стремление вырваться из ситуации унижительной бедности, ограничивающей творческие замыслы и возможности, послужило, по словам Достоевского, ему стимулом сверхнапряжения творческих сил, результатом чего стали его гениальные романы.

В XX веке в условиях демократизации общественной жизни в развитых странах и научно-технической и технологической революции, открывшей фактически неограниченные возможности воздействия на образ жизни и поведение личности, появились новые, нетрадиционные, цивилизованные формы ограничения духовной свободы. Среди них ведущее место принадлежит манипулированию сознанием личности посредством массовой культуры и средств массовой информации: "Это манипулирование индивидами посредством их идей, мыслей, сознательных навыков и т.п., а не просто через "естественные", "слепые" экономические механизмы. Поэтому существенное место в обществе стало занимать само производство такого сознания, специализированный труд по созданию его "образцов", "шаблонов", их хранению, переработке и распространению в массах" [8; 331], – писал еще в середине 60-х годов прошлого века М. Мамардашвили.

В отличие от традиционных форм ограничения свободы личности манипулирование ее сознанием органично соединяет в себе моменты внешнего (социального) и внутреннего (личностного) ограничения духовной свободы, представляя собой своеобразную форму духовного насилия над личностью с целью формирования у нее желаемых для государства или частных организаций и лиц духовных ценностей и ориентаций: "Пропагандистские методы строятся на одних и тех же принципах и преследуют одну и ту же цель: создать человека, совершенно лишённого всякой способности разбираться в положении вещей, критически и разумно мыслить" [9], – отмечал известный в США специалист в области технологии пропаганды

Майкл Чукас.

Духовное насилие как форма ограничения творческой свободы личности гораздо эффективнее традиционных форм, так как имеет неявный, скрытый по отношению к личности характер и вследствие этого не ощущается ею как насилие. Навязанные личности вопреки ее интересам и убеждениям взгляды и ценности могут восприниматься ею как собственные. Это лишает личность способности и возможности целенаправленного сопротивления манипулированию ее сознанием.

Тем не менее, несмотря на свою эффективность, возможности манипулирования сознанием личности не безграничны. Одним из наиболее эффективных и надежных средств противодействия ему является духовность с присущим ей критическим восприятием социальных явлений и разнообразной информации сквозь призму подлинных духовных ценностей. Однако практический аспект проблемы и состоит в том, как сформировать развитую духовность в условиях всевозрастающего манипулирования сознанием личности.

Исключительную негативную роль в этом играет современная мода. Есть все основания говорить о диктате моды в современном обществе. Если в традиционном обществе мода оказывала в основном влияние на мир вещей используемых человеком, то сейчас она распространила свою всепильную власть на духовный мир личности, ее стиль и образ жизни. Термин "модный" стал широко использоваться применительно к духовным ценностям и их творцам: "модный" писатель, композитор, художник, режиссер, актер, певец, – эти понятия широко употребляются и уже воспринимаются многими как вполне оправданные и естественные, отражающие реалии современной культуры.

"Модное" стало синонимом современного, престижного, красивого и, напротив, то, что находится за границами моды, обречено нести на себе клеймо устаревшего, непрестижного, ущербного. В этой связи интересно наблюдение А.Солженицына во время его жизни в США: "Безо всякой цензуры на Западе осуществляется придирический отбор мыслей модных и мыслей немодных – и последние, хотя никем не запрещены, не имеют реального пути ни в периодической прессе, ни через книги, ни с университетских кафедр", – говорил писатель в одном из своих интервью по возвращении с Запада в Россию.

Негативные последствия всевластия и диктата моды в современном обществе не только в нивелировании индивидуальности, вытеснении из живой культуры подлинных духовных ценностей, но (что не менее опасно) в формировании конформистского сознания, легко и естественно поддающегося любому манипулированию,

включая манипулирование мировоззренческими, идеологическими, политическими ценностями.

Рассматривая проблему соотношения духовности и свободы в целом, нельзя обойти исключительно актуального для современного общества вопроса о свободе духовного самовыражения личности.

Суть этого вопроса заключается в том, что, с одной стороны, демократическое устройство жизни общества должно предоставлять максимальную свободу для самовыражения личности, но, с другой, – реализация этого требования приобретает для развития общества, а нередко и для самой личности, все более деструктивный характер. Как же должно разрешаться названное противоречие?

Безусловно, как и свобода в целом, свобода самовыражения личности объективно не может быть безграничной. Так не вызывает сомнений правомерность ограничений со стороны общества таких форм самовыражения личности, которые угрожают жизни, наносят ущерб здоровью, ограничивают свободу и права других индивидов (преступления, терроризм и др.) или потенциально направлены на это (фашизм, расизм, шовинизм). Ограничение этих и подобных им форм самовыражения личности осуществляется правом и представляет теоретическую проблему лишь для юриспруденции. Не о них речь. Но как следует относиться к иным, не подпадающим под юридические законы, ограничениям самовыражения личности?

Бытует представление, что общество и государство в названных выше случаях не вправе регулировать и в какой бы то ни было форме ограничивать свободу духовного самовыражения личности, особенно в сфере эстетической деятельности, включая искусство. Такое представление основывается на следующих посылах:

1. Неограниченная свобода самовыражения личности за исключением форм ее проявления, запрещенных законом, открывает для личности максимально широкие и благоприятные возможности самореализации и саморазвития. Это представляет безусловную ценность не только для самой личности, но и для общества, так как является источником его духовного богатства и разнообразия – своего рода формой "естественного отбора" наиболее значимого и ценного, открывающего неограниченные перспективы его духовного развития.

2. Любые социальные формы ограничения духовного самовыражения личности консервативны по своей сути и направленности. Они неизбежно несут на себе печать субъективизма, произвола и всегда, рано или поздно, превращаются в оковы, препятствующие возникновению нового, оригинального.

Безусловно, нельзя не согласиться, что приведенные выше

аргументы не лишены смысла. Однако им недостает конкретности, учета некоторых весьма важных социальных реалий. В частности, того непреложного факта, что неограниченной социальной свободой самовыражения личности согласно диалектике свободы и необходимости в принципе не существует. Если она не ограничивается публично, от имени всего общества или государства, то так или иначе, в той или иной форме всегда ограничивается скрыто, неявным образом, интересами и волей частных организаций и отдельных лиц даже в самых демократических странах Запада.

Показательно в этом отношении мнение профессионального репортера, автора работ по теории и практике журналистики, проф. Д. Рубина, который на вопрос корреспондентов, насколько ценится в Америке независимость журналиста, ответил следующее: "Современная технология (в частности, компьютерная сеть, объединяющая рабочие столы всех корреспондентов – авторы) позволяет редактору полностью контролировать творческий процесс... Конечно, репортерам это не нравится, они кричат: где же демократия, свобода? Но газета – это не демократия. Иначе до чего же можно дойти? До выборов самого издателя?! Нет уж, позвольте-с!" [10].

Возникает естественный вопрос: почему публичное регулирование духовной ситуации в обществе от его имени со стороны государства и общественности недопустимо, а аналогичные действия организаций и частных лиц вполне допустимы? Ведь и то, и другое регулирование ограничивают свободу духовного самовыражения личности, но первое может осуществляться в интересах развития общества в целом, его культуры и духовности, а второе – направлено на достижение прагматических целей и интересов частных организаций и лиц. Надо ли говорить, с какой стороны объективно возможна большая вероятность субъективизма, некомпетентности и утилитаризма?

Общественное регулирование развития духовной жизни общества необходимо и оправданно, на наш взгляд, еще и по той причине, что подлинная культура и духовность фактически не могут выдержать конкуренции в противоборстве с агрессивным напором псевдо- и антикультуры, не сдерживаемых никакими этическими нормами, обходящих правовые ограничения. Таковы некоторые реалии духовной жизни современного, включая и украинское, общества и связанные с ними противоречия, которые игнорируются или не замечаются сторонниками безграничной социальной свободы самовыражения личности.

Обратимся еще к одному аспекту обсуждаемой проблемы,

связанному с возможностью самоограничения свободы духовного самовыражения личности. Если проблема социальных ограничений духовной свободы индивида ставится в плоскости: допустимо или недопустимо такое ограничение, то названная выше проблема – в плоскости: желательно оно или нежелательно.

Идея спонтанности духовного творчества, основанная на фрейдистских и иррационалистических концепциях, усиленная в последние годы постмодернизмом, в настоящее время используется для обоснования нежелательности самоограничения свободы духовного самовыражения личности. Такое самоограничение, осуществляемое посредством разума, якобы не позволяет в полной мере проявиться неосознанным творческим импульсам, обедняя тем самым творческий процесс и его результаты – духовные ценности.

Рациональное в этом утверждении – мысль о непродуктивности тотальной рационализации, зарегулированности творческого процесса. Но вряд ли можно признать оправданным намерение вывести полностью процесс духовного самовыражения личности из-под контроля разума. Реальное осуществление этого намерения неизбежно ведет к потере этических и эстетических критериев духовного творчества и его результатов – духовных ценностей, стремлению сделать их нейтральными. Однако это намерение столь же несостоятельно, сколь и неосуществимо: "Сама идея нейтральности, однако, вопреки замыслам ее вдохновителей может существовать только в той мере, в какой имеется шкала измерений, задаваемая субъектом" [11; 337].

Реализация на практике идеи нейтральности всех духовных ценностей неизбежно ведет к тому, что примитивное и пошлкое, безобразное и безнравственное, вычурное и эпатажное, с одной стороны, а с другой – высокохудожественное и прекрасное, самобытное и нравственное оказываются уравненными как плоды свободного самовыражения личности.

Такой подход уязвим не только в теоретическом, но и практическом отношении, так как он фактически оставляет личность без объективных ориентиров и критериев оценки своей творческой деятельности, – без всего того, что необходимо для создания подлинных духовных ценностей творческой личностью. В связи с этим основоположник и лидер "гуманистической психологии" А. Маслоу отмечает: "Самоактуализирующиеся люди..., так или иначе, посвящают свою жизнь поиску того, что я назвал бы *бытийными ценностями* (сократовскими Б-ценностями). Это высшие предельные ценности, которые не могут быть сведены к каким-либо иным, их

около 14. Среди них – известные уже в древности истина, красота и добро, а также совершенство, простота, цельность и еще кое-что в том же духе" [12; 50].

Именно дезориентацией в "бытийных ценностях", на наш взгляд, прежде всего, объясняется тот факт, что в современном искусстве едва ли не в качестве главного критерия стала оригинальность произведения. Но ориентация творческой личности, прежде всего и исключительно на оригинальность самовыражения, не соединенную с такими не менее значимыми эстетическими критериями как красота, жизненная правда, моральность, гармония и др. неизбежно ведет к вырождению подлинной, внутренней оригинальности (самобытности) во внешнее оригинальничанье, не знающее границ – вычурности, экстравагантности, эпатажности. Поэтому вполне логично, что такие понятия, как "шокирующий", "эпатажный" и даже "скандальный", считавшиеся прежде несовместимыми с подлинным искусством, сейчас часто употребляются в позитивном ключе как выражение исключительной "оригинальности" произведения искусства.

Таким образом, истинная оригинальность трансформируется в противоположные себе качества – банальность и примитивизм: "Сегодня все коммуникационные системы направлены на распространение банальной, изоморфной культуры, но то, что одинаково, суть ничто" [13; 6], – констатирует широко известный на Западе итальянский философ, психолог, социолог и теолог А. Менегетти.

Завершая разговор о характере взаимосвязи духовности и свободы, есть все основания отметить, что наблюдающийся в настоящее время кризис духовности в значительной степени обусловлен широко распространившимся в обществе индивидуалистически-анархистским пониманием свободы самовыражения личности. В результате альтруистичная по своей природе духовность сдает позиции, отступает перед жестким напором не желающего мириться ни с какими ограничениями, жаждущего безграничной свободы "ego". Выход один – переломить ситуацию, создав благоприятные социальные условия для формирования и развития подлинной духовности и существования истинной свободы.

Литература:

1. См.: Культура и развитие человека. – К, 1989; Бытие человека в культуре. – К, 1993; Постмодернизм и культура / Материалы "круглого стола" // Вопросы философии – 1993–№3; Проблемы философии культуры. – М., 1994 – 325с.; Исторические типы рациональности: В двух т. – Т.1. – 350с.; Т.2 – 320с. – М.: ИФ РАН, 1995; Онтологические проблемы культуры. – К., 1995; Духовность,

- художественное творчество, моральность /Материалы "круглого стола" // Вопросы философии – 1996 - №2.
2. *Какабадзе З.* Философия, культура, человек. – Тб.: Мецниереба, 1988.
 3. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // Проблема человека в западной философии: Переводы / Составитель и автор послесловия П. С. Гуревич. Общая редакция Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. Обстоятельнее с нашим пониманием духовности можно ознакомиться в статьях, опубликованных в сборнике "Актуальні проблеми духовності". Вип. 1,2,3,4, – Кривий Ріг, 1995, 1997, 2000, 2002.
 4. *Гадамер Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики.– М.: Прогресс, 1988.
 5. *Неретина С., Огуцзов А.* Время культуры, – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000.
 6. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства // Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М.: Политиздат, 1991.
 7. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. –368с. – С. 331.
 8. Цит. по: Коммунист. – 1996. – №52.
 9. Цит. по: *Кучер Ст., Симонов В.* Газета - это не демократия // Комсомольская правда. – 1991. – 5. 05.
 10. *Неретина С., Огуцзов А.* Время культуры, с. 337.
 11. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999.
 12. *Менегетти А.* Проект "Человек". Пер. с итал. Изд-е 2-е. – М.: ННБФ "Онтопсихология", 2001.

Аннотація

В статье рассматриваются некоторые аспекты соотношения категорий духовности и свободы. Выявляются и анализируются противоречия в их взаимодействии, обусловленные социокультурными реалиями. Характеризуются условия и границы свободной творческой духовной деятельности личности. Делается вывод, что преодоление кризиса духовности в современной культуре, предполагает в частности, утверждение гармонии между свободой творческого самовыражения личности и фундаментальными ценностями духовности.

Анотація

В статті розглядаються деякі аспекти співвідношення категорій духовності і свободи. Виявляються і аналізуються протиріччя в їхній взаємодії, обумовлені соціокультурними реаліями. Характеризуються умови і межі вільної творчої духовної діяльності особистості. Робиться висновок, що подолання кризи духовності в сучасній культурі, передбачає, зокрема, ствердження гармонії між свободою творчого самовираження особистості і фундаментальними цінностями духовності.